

А. Г. Кислов

УНИВЕРСИТЕТ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

A. G. Kislov

University of the posmodernism epoch

The article is devoted to appreciation of outlook of University academic traditions. The author accent of attention on these problems in Russia Higher School, on taking into account development market relations in education. The author advances methodological objections to B. Reading's concept of «The University in Ruins» of University.

В вузовском сообществе России продолжает расти тревога за перспективы отечественного высшего образования, которое все больше отходит от ориентиров, задаваемых образом классического университета, в качестве идеи, образца, прообраза которого выступает Храм науки — оазис академической жизни во имя Истины и трансляции ее будущим поколениям: «В миссии университета самое главное — его интеллектуальная автономность и общественная устремленность» [1]. При этом академизм — существеннейшее интегральное свойство университетской жизни, всей сферы высшего образования, как оно единодушно понималось еще совсем недавно. Даже следование пресловутому принципу партийности в недавнем прошлом позволяло академической общественности служить не только быстро преходящим «указаниям», но и Истине. Либерализация породила много светлых, слишком светлых — ослепляющих — надежд, несбыточность которых стала не сразу очевидна. Ситуация, в которой существует высшая школа сегодня, оценки феномена университета в последнее время сильно меняются, вызывают дискуссии. Обратимся к важнейшим академическим чертам университета и попытаемся оценить его перспективы в целом и в отношении каждой из них.

Отмечаемые ниже черты академизма определены не в строгом соответствии с логической дихотомией, а по принципу смысловой нюансировки, смыслового прибавления. Значение термина «академизм» восходит ко вполне конкретному историческому явлению — Академии, так именовалась гимназия древнегреческого философа Платона (428–346 гг. до Р. Х.) по названию местечка недалеко от Афин, где он преподавал свое учение. Академиками стали называть

сначала учеников Платона, а потом и всех его последователей. Поэтому по первому своему значению слово «академический» является синонимом *платонизма*. Дальнейшие смысловые прибавления к слову не отменили эту исходную его связь с учением великого идеалиста. Так, роль и авторитет философии Платона прибавили к смыслу слова «академический» значения «*возвышенный*», «*высший*», «*истинный*», «*образцовый*», «*авторитетный*», «*идеальный*».

Чаще всего это слово стали использовать при названии учебных заведений, ориентирующихся на традиции гимназии Платона, на традиции его учеников. Слово ученых-учителей служило решающим аргументом в пользу истинности той или иной точки зрения. Известна в этой связи фраза одного из бывших академиков, отошедших от некоторых положений Платона, а именно Аристотеля, сказавшего: «Платон мне друг, но истина дороже!» Вошедший в академическую традицию как второй (а иногда и первый) авторитет Аристотель привнес в нее *право на возражение — даже авторитету — во имя истины, и обязательно — аргументированное*. Теории аргументации Аристотель посвятил, кстати, немало своих размышлений.

Аргументация, тем более противопоставляемая авторитету, может появиться лишь у добросовестного самостоятельного исследователя, так что *принцип исследовательской свободы* становится неотъемлемым от академических традиций. Свобода же исследований и аргументированной *публикации их результатов* находит необходимое продолжение в *свободном характере преподавания* учителя (потом — профессора), которое нужно понимать не столько как свободу для обучающихся (особенно в посещении занятий), сколько как *отсутствие бюрократической*

опеки преподавателей со стороны блюдущих букву нормативов инспекторов и администраторов. Но это и *свобода учения* показывающих успехи учеников! Мера ее должна напрямую зависеть от успехов. Успехи же возможно предъявлять строгому *суду академической общественности* только при наличии системы гарантий их публикации. Так что уже упоминавшаяся публичность (выступления устные и письменные, защиты, диспуты, конференции и т. д.) является важным, обязательным признаком академичности.

Итак, академическим можно назвать образование, опирающееся на авторитет ученых-учителей, допускающих и даже поощряющих самостоятельную познавательную активность обучающихся, имеющих гарантированную возможность широкой и регулярной публикации своих достижений, соображений и даже сомнений, предъявляемых не голословно, а в сопровождении принимаемой академическим сообществом аргументации.

Наличие академического сообщества — весьма важный фактор, обеспечивающий существование, трансляцию, воспроизводство академических традиций. В Средние века произошла институционализация этих сообществ в университеты, которые и теперь рассматриваются как важнейшие субъекты академической жизни. Подлинный же субъект всегда автономен, поэтому вместе с университетами возникли тема их автономии как условия обеспечения непрерывности академических традиций, автономии, ставшей традиционным идеалом университета, и тема академической свободы членов университетского сообщества, прежде всего профессоров. С академической свободой и сегодня связаны надежды на будущее университета: «Именно усилиями такого рода сообществ... удастся преодолеть тот рабский непрофессионализм, который господствует практически во всех сферах подконтрольной государству жизни» [2].

Проблематика академической свободы давно нуждалась в систематическом научном освещении в прессе. Даже получив в 1996 г. выражение (перекочевав из международных документов) в статье 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (а в некоторых своих аспектах еще и в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.), академическая свобода «не зазвучала»: о ней мало пишут и практически не вспоминают в условиях реальной вузовской жизни. Не вспоминают даже (и особенно!) юристы, а это уж совсем симптоматично.

Наконец, в свет вышла монография, в которой представлена развернутая ретроспектива возникновения и вариантов реализации этого фундаментального принципа существования университетов, дан анализ его концептуальных оснований рядом виднейших мыслителей, охарактеризованы общее и особенное в его нормативно-правовом закреплении в различных странах мира, в том числе в современной России [3]. Интерес автора монографии сосредоточен главным образом на дальнейших перспективах оформления и юридического закрепления принципа академической свободы, а короткие, большей частью горькие замечания о его реализации в сегодняшних российских вузах оставляют значительное пространство для продолжения разговора.

Немаловажным вопросом в осмыслении прошлого и будущего университетов, высшей школы является ее финансово-экономическая база. Сама университетская автономия возникла в своеобразном зазоре, образовавшемся в результате перманентного и неравновесного столкновения трех основных политических сил Средневековья — крепнущих королевств (ставших затем национальными государствами), Католической церкви (обремененной нерешаемым вопросом о том, чего в ее природе больше — небесного или земного, но зато обеспечившей транснациональный характер европейской науки) и городов (определивших в конце концов новоевропейский тип цивилизации). Финансовым источником университетской автономии стали прежде всего пожертвования, дары, привилегии, предоставляемые в разные времена и в разной степени всеми тремя главными политическими (и экономическими) силами, к которым присоединялись меценаты и только иногда сами студенты. Так, решающим условием университетской автономии была непосредственная *необремененность* каждодневными поисками источников существования.

Власть в университетах принадлежала не хозяйственникам, а выдвиженцам академического сообщества, прежде всего ученым-мэтрам (по крайней мере, такова была доминирующая тенденция). И именно университетская автономия делала возможными различные академические свободы. С большими или меньшими искажениями в разные периоды своей истории, принципы университетской автономии и академической свободы воплотились и в российских университетах, пока с ними по-свойски не распорядились пришедшие к власти большевики. Но и сегодня

многие полагают, что идеальный и потому «автономный университет находится — по принципу — *за пределами* государства (именно это должно быть четко и однозначно закреплено в статусе Нового Университета), т. е. вне органов государственной власти и управления, поэтому он не нуждается ни в чьей оценке: ни в государственной, ни в общественной. Он сам предназначен для порождения и перепроектирования и государства, и общественных систем. И последние не смеют ему отказывать в проведении этой деятельности» [4].

Таков должен быть идеальный (по Гегелю — соответствующий своему понятию, по Платону — идее) классический университет. Но таких университетов никогда реально не было! В. А. Прокурин потому и грезит не о реставрации классического университета, а о Новом Университете. Даже созданный В. Гумбольдтом «идеальный» Берлинский университет не был идеальным. Современный же университет стал сильно отличаться от своих исторических предшественников, и тем более от того, чем они стремились быть, от идеала, на который они ориентировались.

Современный университет стал приближаться к совсем иному прообразу: «Мы повсеместно наблюдаем процесс превращения университета из храма науки в market place, торговую площадку, в экономическую “корпорацию по продаже знаний”» [5]. Сегодня вузы, точнее их руководство, заняты финансовым выживанием, а профессура (преподавательский корпус) выступает главным инструментом в этом, будем откровенны, не самом академическом деле, в связи с чем в профессорско-преподавательской, особенно ветеранской, среде растет популярность версии «руинизации классического университета» [6], поскольку доминирующее положение в вузе получают хозяйственники, менеджеры, близко знакомые с реалиями рыночной прохиндеады. Так, в условиях конкуренции, низкой платежеспособности населения и, как следствие, невозможности установления высокой цены на образование современному отечественному вузу важно получить больше студентов, а значит, и преподавателей, которым при такой высокой учебной нагрузке уже практически некогда заниматься научными изысканиями (дай бог сил на требуемую имитацию!), а многие нынешние вузовские преподаватели эти изыскания и на зуб не пробовали.

Академической деятельностью в современном вузе заняты в лучшем случае отдельные (все более «отдельные», редкие) его подразделе-

ния — по инерции и в силу присутствия в них преподавателей-ученых. И большей частью к науке имеют отношение именно отдельные и немногие вузовские работники. Благо, современные средства коммуникации позволяют им состоять в общении с коллегами по всему миру: «В условиях единого и глобального информационного пространства роль «хранителя» знаний как будто бы выходит за пределы стен любого конкретного университета, располагаясь, скорее, в виртуальном пространстве, в том числе и в поле интернет-коммуникаций (e-Ducation)» [1].

Получается, что сегодня мы имеем дело с деинституционализацией академической жизни. В вузах она стала явной (мы не имеем в виду бюрократическую отчетность «по науке»), в научно-исследовательских учреждениях — не столь явной, хотя и там начальству интересны результаты, имеющие отношение только к госбюджетной или хоздоговорной («высочайше» утвержденной) теме. Положение в академической науке сильно беспокоит российское государство, которое ищет способы дифференцировать вузы (по сути, на настоящие и бог весть какие) и реформировать РАН и иные академии и входящие в них учреждения, поддержать трудящихся, имеющих ученые степени, материально и т. д. Правда, с вузами дело осложняется тем, что кроме научной эффективности они должны демонстрировать *высокое качество образования*. Оно тоже входит в состав понятия академической жизни, сильно зависит от научно-исследовательской составляющей, но все же с ней не совпадает. Кроме того, качество образования — это загадка, у которой слишком много отгадок, чтобы поверить хотя бы одной.

В целях обоснованной, корректной и разносторонней оценки ближайших перспектив высшего образования и сосредоточения организационных усилий на предпочтительных вариантах необходима опора на состоятельную и эффективную методологию. Перспективы высшей школы сегодня можно рассматривать в свете двух основных методологических традиций. Одна из них восходит к глубокой древности и продолжает быть состоятельной и авторитетной. Вторая относительно молода, но не считается с ней уже нельзя.

Первая методологическая традиция может быть названа эссенциалистской, идеалистической, платонистской, но дело не в именах, которых может быть гораздо больше. Данная позиция предполагает некую изначальную сущность явления или его идею, которая находит свои разнообразные — уже, разумеется, не идеальные —

воплощения. Так, например, имеет место «предвечная» сущность или идея университета, более или менее удачно реализуемая в истории, знание которой позволяет оценить каждый конкретный случай ее воплощения и найти пути приближения к более совершенному, идеальному состоянию. Потому и не счесть работ под названием «Идея университета», «Миссия университета» и т. п. Особенно много среди этих работ иннаугурационных речей ректоров.

Следуя идеалистической, эссенциалистской методологии, можно было бы сокрушенно констатировать удаление современной высшей школы от идеи университета как Храма науки. Но осмысление происходящего в высшей школе с точки зрения превращения ее в *market place* — тоже вариант эссенциализма, как и осмысление образования с точки зрения «фабрики», производства (кадров, знаний и т. д.). Спор о перспективах университета оказывается спором о предпочтительном прообразе, идее университета. Это спор об идеях по преимуществу.

Однако университет — далеко не только идея. Университет — прежде всего реальность, в том числе весьма приземленная реальность. Потому наряду с эссенциализмом сегодня мы можем воспользоваться и иной, контрэссенциалистской, антиидеалистической методологией, которую совсем не обязательно противопоставлять традиционной, платонистской. Новейшая методология весьма компромиссна и позволяет работать в режиме взаимодополнительности, она толерантна к противоречиям и парадоксам, ибо исходит из признания несовершенства самих притязаний на знание совершенства. Идеальное состояние, «идея вещи» рассматриваются ею не как имеющие непосредственное и обязательное отношение к реальности, а как мыслеобразные конструкции. Эти конструкции (Храм науки, *market place*, фабрика кадров и знаний и т. д.) легко мистифицировать (все идеи чреватые превращениями в идолов). Но если не быть идолопоклонником, не искать себе кумира, то можно воспользоваться любой идеей как инструментом, позволяющим нечто в реальности осмыслить, оценить, соотнести с другими возможными вариантами. Как всякий инструмент, любая идея имеет преимущества и недостатки, и пользоваться ею можно полифункционально, в том числе не по прямому назначению. Такова и идея классического университета. Оставаясь вдохновляющей для многих, она необязательно должна стать основанием окончательного приговора современной высшей школе, в том числе в России.

Высшая школа стала такой, как она сегодня есть, не по злему умыслу, она востребовала новый режим управления и новый тип руководителя не в силу своей безнадежной деградации. Вуз как социальный институт адаптируется к реалиям, в которых он существует: «Тенденции развития университетов наших дней, как представляется, не требуют оценки по принципу «хорошо — плохо», «нравится — не нравится»... Это объективные параметры системы, которая перенастраивается в новых условиях глобализации и постиндустриального общества. И хотя реакции на эту перенастройку могут быть самыми различными (в том числе резко негативными), следует признать, что высшее образование в современном мире, скорее всего, идет уже новым, кратко обрисованным выше путем» [7]. Чем больше общество, прежде всего государство, смотрит на вуз как на хозяйствующий субъект, способный приносить прибыль, тем больше вуз будет превращаться в торговую лавку или супермаркет, тем меньше внимания руководство вуза будет обращать на академическую составляющую жизни вуза, его работников, тем больше академическое сообщество будет перемещаться в сферу виртуальных отношений, иногда и физически уходя в иные — пока еще более академические — вузы, в том числе зарубежные. Но деакадемизация университета не значит автоматического снижения качества его образования, которое сегодня сильно зависит не от наличия, а от содержательного наполнения государственных образовательных стандартов.

Если государство пойдет путем жестких образовательных стандартов, то высшее образование будет все более унифицированным и неизбежно скоропортящимся. Масса народа со скоропортящимся (большой частью — с уже «протухшим») образованием будет бродить по стране в поисках реализации этого образования на рынке труда, а над страной будет витать дух (вот она — «духовность» последнего времени!) от этих гнилых процессов. На декабрьском 2006 г. заседании коллегии Минобрнауки РФ одобрен «мягкий» вариант государственных стандартов высшего профессионального образования. Согласно ему, государство за собой «оставляет только требования к компетенциям выпускника: в госстандарте расписывается не то, что студент должен изучать, а что он должен знать на выходе... вузам перестают предписывать сверху, чему, как и в каких объемах учить студентов, и они получают право самостоятельно составлять образовательные программы (модульные циклы).

(В СССР вузы имели право определять не более 10 % образовательной программы, сейчас — 20–40 %, а с переходом на новый стандарт образования — до 70 % и более, обещают в Минобрнауки)» [8].

Но и в таком случае «учеба в современном университете (как западном, так и российском) все более утрачивает свой судьбоносный (экзистенциальный) смысл, становясь лишь средством получения всевозможных социальных отсрочек: от армии, профессии, семьи. Этому немало способствуют и те условия, в которых сегодня находится академическая наука, существование которой напрямую зависит от запросов информационной бизнес-среды, ориентированной на прикладной, междисциплинарный и профицитный характер знания» [5].

Академическая же жизнь в любом случае будет все менее связана с образованием, в том числе с «высшим», если оно так уж претендует на это название, хотя официальный термин «послевузовское» откровенно показывает, что никакое оно не «высшее». Превосходная степень вообще — наследие архаического дискурса. Академическая жизнь из-за дрейфа прочь от университетов не прекратится, затаится на время где-нибудь, проявляясь в Сети, и на правах свободного художника, при неизбежной поддержке то одних, то других заинтересованных или бескорыстных сторон, продолжит свое существование. Кстати, бериевская «шарашка» — тоже ведь ниша...

Что касается отмеченных выше черт академизма и их присутствия в современном российском университете, заметим следующее. *Платонизм* продолжает иметь место, что отражает традиционно-академический, если не сказать архаический, характер современной, особенно отечественной, фундаментальной науки, в то время как в мире все более «фундаментальные знания вытесняются на периферию, приобретают, если угодно, эзотерический характер» [7]. Не удивлюсь окончательному уходу платонизма в прошлое: «мавр сделал свое дело»...

«*Возвышенным*», «*идеальным*», «*истинным*», «*образцовым*» и даже «*высшим*» высшее образование воспринимается с большими оговорками даже массовым сознанием, не говоря об элитах, хотя оно и сохраняет свой общественный авторитет. *Авторитет же мэтров, ученых-учителей* сохраняется в современном высшем образовании, другое дело, что их стало так много, что каждой идее можно привести авторитетное подтверждение.

Право на аргументированное возражение — «святыня» современного научного дискурса еще в большей степени, чем во времена «классического университета». *Принцип исследовательской свободы* тоже сегодня никем не оспаривается, но эту свободу чаще оплачивает сам исследователь, если она не попала в планы НИР учреждения, в котором он трудится, или грантодатель. И *публикация результатов* исследований стала вопросом исключительно финансирования. Пока это свидетельствует о возрастании свободы.

Нам жалуются: «Там, где люди работают на конкурсной основе, царит мелкотемье, атмосфера истерии и недружелюбия и страшная текучка кадров. Вывод подсказать?» [9]. Цитируемый автор намекает на деградацию науки. Но если не видеть в ученых мужах небожителей, то «ничто человеческое им не чуждо», только и всего.

Свободный характер преподавания пока сильно обременен требованиями государственных образовательных стандартов, но и тут появились надежды в связи с ожидаемым третьим их поколением. *Отсутствие бюрократической опеки* преподавателей со стороны блющих букву нормативов инспекторов и администраторов — пока мечта, но ожидаемое третье поколение государственных образовательных стандартов и ее делает реализуемой, как и *бульшую свободу учения*.

Суд академической общественности пока сильно опосредован судом администраторов, в перспективе он будет сильно опосредован судом заказчика. А в стратегических интересах заказчика не затыкать этому суду рот, ибо рынок дозволяет лишь кратковременное жульничество, но без этого люди никогда не жили. Как-нибудь будут справляться с этой бедой и в дальнейшем — не без помощи пользующихся свободами ученых!

Необремененность каждодневными поисками источников существования придется забыть — вот где главный ресурс вздыханий по «классическому» университету. Однако убивает не озабоченность, а вполне определенное, следующее из эгоцентричной претенциозности отношение к ней, и еще голод, конечно. Феодалная привилегия «от степени», «от должности», например ученой или вузовской, уходит в прошлое вместе с многими иными привилегиями. А страх перед рынком может быть снят простым резонансом: «Одна только... рыночная эффективность может настолько же мало воодушевить абитуриентов и, возможно, даже профессуру, насколько мало может заставить больных покупать лекарство фармацевтической фирмы сообщение о том, как

успешно она продает свои товары, — без ссылки на их качество, потребное для излечения» [10]. Так что превращение университета в лавку — это фантом, а не поглощающая его перспектива.

И *высокое качество образования* никуда не денется, только оно не отменит ни среднее, ни низжайшее качество. От этих попутчиков точно не избавиться, как от человеческого несовершенства вообще. Возрастет число подходов к определению уровня качества. Не исключено даже, что государство наконец успокоится в этом отношении, оставив дискуссии о нем гражданскому обществу.

Итак, «классическим», бесспорно академическим университет уже не будет, он погрузится в рынок, станет постакадемическим (еще один «пост-», ничего не поделаешь), меняющимся, и уже с очевидностью не вписывающимся ни в какой прообраз. Потому постакадемичность не будет исключать и академичности, она ведь — не антиакадемичность, но и для таковой найдется местечко. Университет останется в чем-то храмом, в чем-то фабрикой, в чем-то торговой лавкой, у него будет много других признаков, которые к общему знаменателю можно свести лишь на бумаге — она и не такое стерпит. Речь то в конце концов не об университете, а о нашей возможности осмысления, в том числе университета, о пифагорейском соблазне свести все если не к числу, то к формуле.

И еще одно основание для оптимизма в отношении сохранения академичности в постакадемическом университете. Оно связано с той трактовкой науки, которая, вопреки (страшно сказать!) Х. Ортеге-и-Гассету, видит ее не предшествующей феномену образования, а производной от него. Классик пишет: «Наука (sciencia) — это не все что угодно... В первоначальном понимании наука — это только исследование: формулировать проблемы, биться над ними и приходиться к решению. Как только достигнута эта цель, все остальное наукой уже не является. Поэтому не является наукой изучение науки или преподавание, ее применение и использование» [11].

Возразить мэтру помогает русский язык. Наука — то, чему можно научить. «Пойти в науку» = «пойти учиться», «ученый» = «наученный». Настоящий ученый, кстати, учиться не прекращает, потому «ученый» = «учащийся». Это, конечно, слабые аргументы. Есть аргументы и посильнее.

Истоки науки, как и всей культуры, — в архайке, в родовой общинности, без которой человек не мог выжить. Община жива цельностью,

порядком, строем. Мироощущение строя, порядка, космоса, гармоний выражается во всех вариациях древнейшей мифологии. И даже когда, очевидно вследствие межплеменного общения, ведущего к объединению мифологий, возникает нужда согласования последних, то иного способа согласования, как упорядочивание, просто не может быть. На смену стихийному, нерелексированному порядку, точнее порядкам отдельных мифологий, приходит нужда в трансформации этих порядков в один — новый, но обязательно — порядок. А это уже потребовало не только стихийной, но и сознательной, целенаправленной работы, поскольку самодостаточность каждого из порядков сопротивлялась. Борьбу с этим сопротивлением пришлось вести тем, кто в большей степени эти порядки манифестировал — жрецам. Появляется, наряду с традиционной жреческой практикой, более или менее институционализированная жреческая наука, дабы упорядочить это неизбежно многовариантное упорядочивание. А наука стимулирует рационализацию, рефлексию, критицизм.

Интенция неизбежного своеволия (вот она — академическая свобода!), которую консервативное жречество всячески прибирало к рукам, приручало, подчиняя новому трансмифологическому порядку, все равно прорывалась — и в наибольшей степени как раз у эллинов [12]. Жрец-исследователь, философ, как он стал у них называться, ищет следы того порядка, который стал теряться, чтобы передать их новым поколениям, т. е., говоря современным языком, в целях образования. Так что не образование возникает вдогонку науке, а как раз наоборот. И сколько бы ни менялся «образ науки» в последующие времена, как бы далеко от образовательных задач ни отрывались отдельные исследователи (уже не следов прошлого Порядка, а следов иных), своими результатами наука не могла не сливаться с образовательными задачами. Без последних все научные достижения канули бы в Лету. Образование — исток, фундамент и конечная цель науки, всех научных изысканий. Потому сколько рынок не гонит науку из современного университета, выходя в дверь, она возвращается, пусть и через окно. Так было и во времена всевозможных цензоров. Академизм не исчезнет. Наука выживет. Университеты — тоже. Ученые вот только умирают...

Литература

1. Согомонов А. Корпоративная ответственность постсовременного университета // Неприкосновенный за-